

В.Н. Дядичев

Маяковский в жизни и творчестве (в сокращении)

Детство. Грузия (Багдади, Кутаиси). Гимназия (1893–1906).....	1
Москва: революция и искусство (1906–1911)	4
«Первое профессиональное печатаемое». Первая любовь (1911–1916).....	6
«Облако в штанах» (1914–1915)	9
Маяковский и Брики. Трагедия поэта (1915–1923).....	11
Поэтохроника революции (1917–1927)	15
Созидающая сатира поэта (1921–1930).....	16
Полпред стиха (1922–1929)	16
Смерть и бессмертие	19

Детство. Грузия (Багдади, Кутаиси). Гимназия (1893–1906)

Владимир Владимирович Маяковский родился 7 (19) июля 1893 года в Закавказье, в Западной Грузии (Имеретии) в селении Багдади, в семье лесничего. Сам поэт в поэме «Человек» (1917) так описал свое рождение:

В небе моего Вифлеема
никаких не горело знаков...
<...>
Был абсолютно как все —
до тошноты одинаков —
день моего сошествия к вам.

День был, однако, не совсем обычным. По счастливому совпадению рождение сына пришлось на день рождения отца, Владимира Константиновича Маяковского, а потому новорожденному дали имя в честь отца — Владимир.

Род Маяковских вел происхождение от вольных казаков Запорожской сечи, в истории которой как один из «самых энергичных» руководителей запорожских отрядов в XVIII веке упоминается предок Маяковских Демьян, бывший прежде «ротным писарем пикинерского полка».

Бабушка Володи по отцу, супруга деда Константина Константиновича, Ефросинья Осиповна, урожденная Данилевская, приходилась двоюродной сестрой известному писателю Г. Данилевскому, автору исторических романов «Беглые в Новороссии», «Воля», «Мирович», «Княжна Тараканова», «Сожженная Москва». В свою очередь род Данилевских имел общие корни и пересечения с родословными Гоголя и Пушкина.

Маяковские принадлежали к служилому дворянству, не имевшему иных доходов, кроме содержания по службе.

Мать поэта, Александра Алексеевна, урожденная Павленко, родилась в казачьей станице Терновской на Кубани. Ее отец, георгиевский кавалер, участник двух турецких войн капитан Алексей Иванович Павленко ушел из жизни, когда дочери было всего 11 лет.

Отец поэта состоял в должности руководителя Багдадского лесничества, был человеком преданным делу и требовательным, но справедливым и демократичным, хорошо понимавшим нужды местного населения. Он знал не только грузинский и армянский, но и другие наречия народов Кавказа. С детства познавший нужду, он легко находил контакт с крестьянами, охотниками, рабочими. Когда в 1940 году Багдади переименовали в поселок Маяковски, многие местные старожилы полагали, что сделано это в честь памятного им лесничего — Владимира Константиновича. В частной жизни отец поэта был веселым, жизнерадостным, умным, общительным человеком, хорошо знавшим русскую литературу, любившим семейное чтение книг, новых, полученных по подписке журналов, декламацию наизусть, сам неплохо пел. Любил играть с детьми, в том числе в различные литературные и языковые игры: придумывание слов на определенную букву, каламбуры, шарады, слова-перевертыши и т. п.

От отца Володя унаследовал неповторимый по тембру «бархат голоса», склонность к декламации. И не только унаследовал, но и развил. По воспоминаниям сестры и двоюродного брата, Володя в 4–5 лет, пробуя голос, любил забираться в большие глиняные кувшины для вина — чури, вмещавшие 150–200 ведер. Брат говорил сестре: «Оля, отойди подальше, послушай, хорошо ли звучит мой голос». Читал заученные еще на слух стихотворения Майкова, Лермонтова, Пушкина. Чуть позже, уже научившись читать, поражал чтением наизусть больших прозаических отрывков из Гоголя — «Сорочинская ярмарка», «Вий»... Голос звучал громко, гулко.

Володя умственно и физически развивался быстро, заметно опережая сверстников. Отличался находчивостью и остроумием — свойства, которые также унаследовал от отца. Он обладал очень хорошей памятью, нередко удивлявшей окружающих; активно, вдумчиво, с большим интересом воспринимал все новое, что узнавал из книг, из занятий, рассказов взрослых.

В 1902 году Володя Маяковский был принят в подготовительный класс кутаисской мужской гимназии. В этой гимназии он проучился четыре года.

Учение давалось легко, оставалось время и на игры. Как-то само собой выявилось любимое занятие — рисование. Старшая сестра поэта по окончании тифлисского пансиона готовилась к поступлению в Строгановское художественно-промышленное училище в Москве. В Кутаиси она брала уроки рисования у выпускника Академии художеств С. Краснухи. Сестра показала ему рисунки брата. Художник заинтересовался явными живописными способностями Володи, стал заниматься с ним бесплатно. «Я рисую, и слава Богу, у нас теперь хороший учитель рисования», — писал Володя сестре в Москву. В семье стали привыкать к мысли, что Володя по примеру старшей сестры будет художником.

На уроках рисования ученики обычно зарисовывали положенные по программе гипсовые слепки, но новый учитель проводил один раз в неделю свободные уроки, на которых учащиеся могли избирать тему по своему желанию и вкусу. Уже в этих школьных рисунках проявился сатирический талант Маяковского. Его шаржи и карикатуры, особенно в период 1905 года, когда весь Кутаиси и гимназию постоянно трясло от революционных волнений, создали популярность юному художнику не только среди одноклассников. Учитель же ему, единственному в классе, как это видно из четвертной ведомости, ставил пятерки с плюсом.

Близко знавшие Володю заинтересованные и наблюдательные воспитатели уже тогда обратили внимание на одну удивительную его черту. Он отличался какой-то своеобразной застенчивостью, сковывавшей его и подчас очень трудно преодолимой. Одно из возможных объяснений этого лежит в том, что в детстве Маяковский опережал своих сверстников в физическом развитии, внешне выглядел года на два-три старше своих лет. И дружил, «водился» обычно не с ровесниками, а с более старшими ребятами, которые допускали его в свои компании. Тут-то и могла иногда возникнуть боязнь сказать что-то не так, не о том и тем самым «выдать», «разоблачить» себя как «малолетку»...

А теперь перенесемся в 1914–1915 годы, время дерзких публичных выступлений Маяковского и его товарищей-футуристов, время ниспровержения прежних кумиров и утверждения нового искусства. В артистическом кабаре Петрограда «Бродячая собака» впервые увидел выступление Маяковского Максим Горький. Послушав молодого поэта, Горький сказал: «Зря разоряется по пустякам! Какой талантливый! Грубоват? Это от застенчивости. По себе знаю...» А известный художник, сотоварищ поэта по московскому Училищу живописи, ваяния и зодчества вспоминал о том, как у Маяковского, готовившегося к первым поэтическим выступлениям, за кулисами тряслись губы от страха. Наконец, собравшись, задавая себе ритм собственными стихами, поэт решительно, почти строевым шагом выходил на эстраду... Возможно, здесь кроется один из истоков такого обилия у Маяковского различных маршей (от «Нашего марша» и «Левого марша» до «Урожайного марша» и «Марша двадцати пяти тысяч»), поэтических «Приказов по армии искусств» и т. п.

Отметим еще некоторые моменты, вынесенные Маяковским из «грузинского» детства во взрослую творческую жизнь.

Среди них, несомненно, — особенности приобщения поэта к родному русскому языку. Конечно, впитывался и познавался родной язык «с молоком матери». Это был язык его семьи, родственников, ближайших знакомых, язык товарищей и друзей Маяковского, язык, на котором ему преподавали в школе, гимназии. Однако русская община и в селе Багдади, и в городе Кутаиси была все же численно ограничена. Стихия простонародной речи, «языка улицы», базара, толпы, была все же иной — грузинской. Будущий поэт с детства рос в среде двуязычия, причем оба эти языка — русский и грузинский, их особенности и различия воспринимал еще на слух, на фонетическом уровне. Отсюда, из детства идет обостренное ощущение Маяковским-поэтом фонетического «аромата» слова, в том числе слова-рифмы, его игр; различными необычными словоформами и производными слов, сам вкус к слову «как таковому», к «самовитому слову».

Впрочем, «вкус» был не только к слову, но и к отдельной букве, к ее звучанию, к ее графике (надо упомянуть особую, очень своеобразную графику, вязь грузинского письма, знакомую поэту с детства). И в ранних стихах Маяковского находим, например, строчки: «Город вывернулся вдруг. // Пьяный на шляпы полез. // Вывески разинули испуг. // Выплюывали / то «О», / то «S»...» («В авто», 1913). Или: «Громоздите за звуками звук вы // и вперед, / поя и свища. // Есть еще хорошие буквы: // Эр, / Ша, / Ща...» («Приказ по армии искусства», 1918).

Из детства вынесено поэтом и ощущение себя частью народа, всего народа, а не какой-то его «элиты» или дворянства, а вместе с ним — дух революционности, свободы, нетерпимости к любому притеснению, деспотизму, который был впитан одиннадцатидвенадцатилетним гимназистом-романтиком в период первой русской революции 1905 года.

Город Кутаиси, Кутаисская губерния в истории первой русской революции остались в числе наиболее «бурлящих», известных всей стране мест. Конечно, гимназист Маяковский не мог остаться в стороне от этих событий, пришедшихся на его самый романтический, самый восприимчивый возраст познания мира во всей его полноте и неповторимости. Он участвовал в манифестациях, ходил на демонстрации, пел «Марсельезу», «Вы жертвою пали в борьбе роковой...», запоем читал брошюры и газеты «кромольного» содержания. «Я / жирных / с детства привык ненавидеть», — позднее скажет поэт об этом времени (поэма «Люблю», 1922).

В 1906 году, в феврале месяце неожиданно умер отец поэта. Семья осталась без средств, отец год не дослужил до полной пенсии. Летом 1906 года после завершения учебного года вся семья навсегда покинула Грузию. Выехали в Москву, где на 3-м курсе «Строгановки» училась старшая сестра Люда. Маяковскому исполнилось 13 лет. «После похорон отца — у нас 3 рубля. Инстинктивно, лихорадочно мы распродали столы

и стулья. Двинулись в Москву. Зачем? Даже знакомых не было», – писал Маяковский об этих днях в автобиографии (1922).

* * *

Маяковский обладал феноменальной памятью. Громадная часть из того, что будущий поэт в детстве со свойственной возрасту страстью познавал, впитывал, читал, видел, слышал, запала ему в память и в дальнейшем, так или иначе, отразилась в стихах.

Весной 1914 года, а затем уже в 1920-е годы Маяковский с радостью несколько раз посещал Кавказ. Нежнейшие строки посвятил поэт «радостному краю» своего детства. Образы Грузии, Кавказа возникают в строчках и строфах стихотворений «Владикавказ — Тифлис» (1924), «Тамара и Демон» (1924), «Мексика» (1925), «Нашему юношеству» (1927).

Однако в целом для Маяковского-поэта самостоятельной эстетической темой Грузия не стала. С Кавказа он увозил свои стремления и дерзания, свои первые впечатления и мечты, амбиции осознающего себя юного художника и романтическую жажду революционных подвигов. Широкой ареной для их воплощения предстала перед будущим поэтом Россия.

Москва: революция и искусство (1906–1911)

Москва встретила Маяковских не особенно ласково.

В автобиографии «Я сам» (1922) поэт писал о начале московской жизни: «Сняли квартирнку на Бронной... С едами плохо. Пенсия — 10 рублей в месяц. Я и две сестры учимся. Маме пришлось давать комнаты и обеды. Комнаты дрянные. Студенты жили бедные. Социалисты... Денег в семье нет. Пришлось выжигать и рисовать. Особенно запомнились пасхальные яйца. Круглые, вертятся и скрипят, как двери. Яйца продавал в кустарный магазин на Неглинной. Штука 10–15 копеек...»

«Квартирнки» в Москве, подешевле да попроще, семейству Маяковских пришлось в эти годы менять не однажды. Пенсия за отца и заработки разрисовкой, выпиливанием и выжиганием кустарных изделий — коробок, рамок, стаканов для карандашей, пасхальных яиц и т. п. — позволяли едва-едва сводить концы с концами.

Володя перевелся в четвертый класс Пятой московской классической гимназии, что помещалась на углу Поварской и Большой Молчановки. В одном классе с Маяковским учился Александр Пастернак (в будущем — архитектор), а двумя классами старше — его брат, будущий поэт Борис Пастернак. Но и в этой гимназии новичок-кутаисец вскоре почувствовал себя старше своих соучеников, взрослым среди детей. Новички обычно получали от старших гимназистов свою долю розыгрышей, а то и издевательств, но физически сильного и неразговорчивого новичка Володю Маяковского не трогали, а более слабые искали его защиты.

«Меня поражала в Маяковском какая-то привлекательная наивная доверчивость, вероятно, результат его обособленной жизни, далекой от мелких интересов гимназической среды, – вспоминал А. Пастернак. – Он по своим качествам мог быть душой класса... Однако... он был одинок в классе. Мои попытки сблизиться с ним не увенчались успехом, он на какой-то ступени уходил в себя и замыкался. Между прочим, этим он отличался и позже».

Володя сблизился с более старшими товарищами, со студентами, снимавшими у Маяковских комнату. Он начинает посещать социал-демократический кружок, существовавший в Третьей гимназии. Выполняет отдельные нелегальные поручения социал-демократической партии — по связи между революционерами, передаче записок, листовок, сообщений об изменениях паролей и т.п. Получает партийную конспиративную кличку «Константин». А в донесениях агентов полиции появляются сведения о наружных наблюдениях за «Высоким», воспроизводящие хождения Маяковского по Москве.

В 1908–1909 годах один за другим следуют три ареста Маяковского. То задержали со свертком прокламаций, то по подозрению в причастности к нелегальной типографии, то — к организации побега политкаторжанок из женской Новинской тюрьмы в Москве. В общей сложности Маяковский провел в заключении 11 месяцев. В конце концов по несовершеннолетию и отсутствию прямых улик был выпущен под надзор полиции и родительскую ответственность.

Весной 1908 года, чтобы из-за политических арестов не получить «волчий билет» без права дальнейшей учебы, Маяковскому пришлось «по состоянию здоровья» уйти из гимназии.

В августе 1908 года Маяковский поступил в подготовительный класс Строгановского училища, где занимался до лета 1909 года. В июле 1909 года был арестован (в третий раз).

«11 бутырских месяцев. Важнейшее для меня время, – писал поэт в автобиографии «Я сам». – После трех лет теории и практики — бросился на беллетристику. Перечел все новейшее. Символисты — Белый, Бальмонт. Разобрала формальная новизна. Но было чуждо. Темы, образы не моей жизни. Отчитав современность, обрушился на классиков. Байрон, Шекспир, Толстой...»

По выходе в январе 1910 года из тюрьмы Маяковский, партийную работу решил не возобновлять.

«Вышел взбудораженный, – продолжает он в автобиографии. – Те, кого я прочел, — так называемые великие. Но до чего же нетрудно писать лучше их... Только нужен опыт в искусстве. Где взять? Я неуч. Я должен пройти серьезную школу. А я вышиблен даже из гимназии... Что я могу противопоставить навалившейся на меня эстетике старья? Разве революция не потребует от меня серьезной школы?... Хочу делать социалистическое искусство...»

В этот период будущий поэт свою причастность к искусству больше связывал с живописью. Стихи, написанные в тюрьме, восстановить по памяти не пытался, хотя в дальнейшем началом своей поэтической работы называл именно 1909 год.

Строгановское училище с его ориентацией на подготовку художников-прикладников Маяковского не удовлетворяло. Осенью Владимир приходит в студию художника П. Келина, чтобы подготовиться к поступлению в Училище живописи, ваяния и зодчества.

В августе 1911 года он сдал экзамены в Училище живописи, ваяния и зодчества, был принят сразу в фигурный класс (минуя подготовительный, так называемый «головной»). Училище стало новой ступенью учебы художника и поэта Маяковского. Здесь он сошелся с талантливым, приехавшим из провинции Василием Чекрыгиным и сыном известного московского архитектора Львом Жегиным (Шехтелем).

«Среди довольно серой и мало чем замечательной массы учеников в классе выделялись тогда две ярких индивидуальности: Чекрыгин и Маяковский, – вспоминал позднее Л. Жегин. – Обоих объединяло тогда нечто вроде дружбы. Во всяком случае, Маяковский относился к Чекрыгину довольно трогательно, иногда как старший, добродушно прощая ему всякого рода “задирания” и небольшие дерзости вроде того, что, мол, тебе бы, Володька, дуги гнуть в Тамбовской губернии, а не картины писать. По существу, Маяковский был отзывчивый человек, но он эту сторону своего “я” стыдливо скрывал под маской напускной холодности и даже грубости».

Между тем поэзия, поэтическое творчество вновь постепенно начинают овладевать Маяковским.

«Забравшись в какой-нибудь отдаленный угол мастерской, Маяковский, сидя на табуретке и обняв руками голову, раскачивался вперед и назад, что-то бормоча себе под нос, – вспоминает Жегин. – Точно так же (по крайней мере в ту пору)... создавал Маяковский и свои графические образы...»

Вскоре Чекрыгин и Жегин примут самое непосредственное участие, — как художники и как переписчики, — в подготовке первого выпущенного литографическим способом, стихотворного сборника Маяковского — «Я».

«Первое профессиональное печатаемое». Первая любовь (1911–1916)

В сентябре 1911 года для продолжения образования в Училище живописи, ваяния и зодчества поступил Давид Бурлюк — в старший, натурный класс. Это был художник и литератор достаточно зрелый, хорошо знакомый с новейшими течениями западно-европейского искусства, литературы, ранее учившийся в Мюнхенской академии художеств, в Школе изящных искусств в Париже. В Москву Бурлюк приехал после окончания Одесского художественного училища с идеями новых путей в искусстве, в поисках единомышленников, последователей.

Обратимся опять к автобиографии Маяковского «Я сам»:

«В училище появился Бурлюк. Вид наглый. Лорнетка. Сюртук. Ходит напевая. Я стал задирать. Почти задрались... Расхохотались друг в друга. Вышли шляться вместе... Разговор... У Давида — гнев обогнавшего современников мастера, у меня — пафос социалиста, знающего неизбежность крушения старья. Родился российский футуризм... Днем у меня вышло стихотворение. Вернее — куски... Читаю строки Бурлюку. Прибавляю — это один мой знакомый. Давид остановился. Осмотрел меня. Рывкнул: “Да это ж вы сами написали! Да вы ж гениальный поэт!” Применение ко мне такого грандиозного и незаслуженного эпитета обрадовало меня. Я весь ушел в стихи... Уже утром Бурлюк, знакомя меня с кем-то, басил: “Не знаете? Мой гениальный друг. Знаменитый поэт Маяковский”... Пришлось писать. Я и написал первое (первое профессиональное, печатаемое) — «Багровый и белый» и другие...»

Так весной 1912 года произошло сближение Маяковского с Д. Бурлюком. Складывается и начинает активно о себе заявлять группа единомышленников, провозгласивших новое направление в искусстве — футуризм (от лат. *futurum* — будущее).

По-видимому, «первые печатаемые» стихотворения — «Ночь», «Утро» — сложились у Маяковского к лету – началу осени 1912 года. Поэт участвует в диспутах левых художественных объединений «Бубновый валет», «Союз молодежи», сам выставляется со своими работами как художник. 17 ноября 1912 года — первое публичное (документально зафиксированное) чтение Маяковским стихов в артистическом подвале «Бродячая собака» в Петербурге. 20 ноября 1912 года — выступление с докладом «О новейшей русской поэзии» в Троицком театре миниатюр Петербурга. В декабре 1912 года вышел сборник футуристов «Пощечина общественному вкусу. В защиту свободного искусства». Здесь и были опубликованы Маяковским «первые профессиональные, печатаемые» стихи». Открывался же сборник коллективным манифестом, подписанным четырьмя фамилиями: Д. Бурлюк, А. Крученых, В. Маяковский, В. Хлебников. Авторы с вызовом заявляли:

«Читающим наше Новое Первое Неожиданное.

Только мы — лицо нашего Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве...

Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности.

Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней.

Кто же, доверчивый, обратит последнюю Любовь к парфюмерному блюду Бальмонта?

Кто же, трусливый, устрашится стащить бумажные латы с черного фрака воина Брюсова?..

Вымойте ваши руки, прикасавшиеся к грязной слизи книг, написанных этими бесчисленными Леонидами Андреевыми.

Всем этим Максимам Горьким, Куприным, Блокам, Сологубам, Ремизовым, Аверченкам, Черным, Кузьминым, Буниным и проч. и проч. нужна лишь дача на реке. Такую награду дает судьба портным.

С высоты небоскребов мы взираем на их ничтожество!..

Мы приказываем чтить права поэтов:

1. На увеличение словаря в его объеме

...

4. Стоять на глыбе слова “мы” среди моря свиста и негодования...».

В выходящих затем в 1913–1914 годах футуристических альманахах «Садок судей – 2», «Требник троих», «Дохлая луна», «Молоко кобылиц», «Рыкающий Парнас», «Первый журнал русских футуристов» и др. публикуется еще несколько столь же вызывающе бунтарских коллективных манифестов. Вызовом звучат и сами названия сборников. В этих сборниках регулярно появляются новые стихи Маяковского. В конце 1915 года

выходит футуристический альманах «Взял». В названии — слово из статьи Маяковского «Капля дегтя», помещенной в этом альманахе: «Футуризм мертвой хваткой *взял* Россию».

Борьба творческой молодежи, в частности, футуристов, за обновление искусства не была чем-то особенным для художественной ситуации России начала XX века. Она выражала общее понимание неизбежности «крушения старья», назревания революции в обществе, в образе мыслей, в восприятии жизни, в искусстве. Многие русские поэты-футуристы пришли к поэзии от живописи. Поэтической музе не были чужды и такие художники-новаторы (оставшиеся в истории искусства все же художниками), как М. Ларионов, К. Малевич, П. Филонов, В. Чекрыгин. Так рождался русский литературный футуризм с его бунтом, критической направленностью против всего и всех, против прошлого и современного, против морали обывателя, против традиционной эстетики, против обожествления классики. Это отрицание «старья» подкреплялось поиском новых форм выражения, стремлением создать новый поэтический язык и с его помощью сказать о новом по-новому.

Поиск средств выразительности приводил к словотворчеству, расширению поэтического языка, созданию особого звукового рисунка, особым способам рифмовки. Использовались и графические средства выразительности — шрифт, цвет, особое расположение строк и отдельных слов, неразделимое соединение текста и рисунка. Футуристы порой выступали одновременно и как художники-графики, и как поэты. Они становятся зачинателями нового книжного оформительского стиля. Появляется понятие футуристической книги. Маяковскому, революционеру, новатору в жизни и в искусстве, оказались близки их устремления.

Поэтический язык воспринимался молодым Маяковским как основной, ведущий производительный элемент социальной и жизненной энергии, как рычаг и точка опоры, способные перевернуть, сдвинуть общественную жизнь. Однако и здесь, в области поэтического языка новаторство Маяковского, его гений проявились не столько в изобретении неологизмов или необычных рифм, сколько — и прежде всего — в его особенном взгляде на мир, на место поэта в жизни, на неизведанные возможности русского слова и художественного образа.

Маяковский по возрасту был младше своих ближайших друзей-футуристов: Бурлюка, Хлебникова, Каменского, Крученых. Но он уже вскоре фактически стал признанным лидером группы, «горланом-главарем».

Между тем его первые стихи, вся его «поэтическая практика» явно не соответствовали тому подчеркнуто жизнеутверждающему и «сильному» искусству, которые демонстративно провозглашали футуристы (в том числе и сам Маяковский) в своих напористых манифестах. Человек редчайшей чуткости к страждущей душе, Маяковский как личную трагедию воспринимал все неблагополучие, дисгармонию, неустранимую конфликтность реального мира.

* * *

С марта 1913 года Маяковский становится частым гостем дома своего товарища по Училищу живописи Льва Жегина (Шехтеля). Этот особняк на Большой Садовой был одним из центров общения художников, архитекторов, средоточием искусств. Здесь Маяковский знакомится с сестрой своего товарища Верой Федоровной Шехтель, в то время еще гимназисткой VI класса частной женской гимназии Л. Ржевской на Садово-Самотечной. Позднее (1940) В. Шехтель вспоминала о тех днях:

«Сходились мы вчетвером: брат (Л. Жегин), Василий Чекрыгин, Маяковский и я. Нами в то время владели общие для всех четверых мысли протеста, бунта против застывших форм искусства. Мы спорили, говорили, готовили вещи для выставок. Маяковский часто читал новые стихи. Новые образы, новые формы встречались с бурной радостью».

Друзья вместе ходили на выставки, собрания и диспуты о новом искусстве, вместе отдыхали, делали вылазки «на природу», в Петровско-Разумовский парк.

Этой весной были написаны и четыре стихотворения, объединенные поэтом в цикл «Я!». Цикл «Я!» составил первый поэтический сборник Маяковского, напечатанный в мае 1913 года литографским способом тиражом в 300 экземпляров с иллюстрациями художников Л. Жегина и В. Чекрыгина и с обложкой Маяковского.

«Штаб-издательской квартирой была моя комната, — вспоминал Жегин. — Маяковский принес литографской бумаги и диктовал Чекрыгину стихи, которые тот своим четким почерком переписывал особыми литографскими чернилами. ...Книжка имела, несомненно, некоторый успех...»

У Шехтелей была собственная дача в Крылатском (в то время — еще Подмосковье). В тех же местах, в Кунцеве, недалеко от железнодорожной станции сняли дачу на лето Маяковские. Каждое утро Маяковский шел в Кунцевский парк, на берег Москвы-реки, где сочинял, «вышагивал» свои поэтические строчки. У поэта уже выработывалась своеобразная манера работы — на ходу, с бормотанием, а то и с громким произнесением строк, отрывков для их проверки на слух... Готовые строчки записывались на кусочках бумаги, папиросных коробках. К середине дня Маяковский обычно встречался с друзьями. Молодые художники по-прежнему собирались вчетвером — Шехтели, брат и сестра, Маяковский, Чекрыгин. В маленькой студии, построенной в глубине сада Шехтелей, велись дискуссии об искусстве, обсуждались работы друг друга.

Но Вера и Владимир Маяковский встречались и наедине... Был у них и заветный дуб в Кунцевском парке, и прогулки вдоль очень крутого в этих местах берега Москвы-реки. Это первая, юношеская любовь Маяковского... Родители Веры не одобряли ее увлечения футуристом с сомнительной, скандальной славой. Тем более что впереди у Веры был еще последний, выпускной класс гимназии. Маяковский, дворянин и джентльмен, не настаивал. Но их добрые, очень теплые отношения сохранились на всю жизнь.

Там же в Кунцеве летом 1913 года родился замысел и начали складываться отдельные куски первой крупной вещи Маяковского — трагедии «Владимир Маяковский».

Трагедия была поставлена в театре «Луна-парк» в Петербурге. В двух прошедших в первых числах декабря 1913 года представлениях в главной роли Поэта Владимира Маяковского выступал сам автор. «Просвистели ее до дырок», — написал Маяковский об этом в автобиографии «Я сам».

Месяцем ранее сценического воплощения трагедии состоялось другое знаменательное выступление поэта — первое публичное чтение нового стихотворения «Нате!».

В конце сентября — начале октября 1913 года в отделах хроники московских газет и в тонких театральных еженедельниках появились сообщения:

«В Москве нарождается новое кабаре — “Розовый фонарь”, в котором ближайшее участие примут футуристические поэты В. Маяковский и К. Большаков. Н. Гончарова и М. Ларионов будут разрисовывать физиономии желающим из публики».

Открытие этого кабаре в Мамонтовском переулке, примыкающем к Тверской, было назначено на 19 октября. До сих пор Маяковский и его товарищи футуристы выступали по большей части в кругу «своих» — на вернисажах, в «Обществе любителей художеств», «Обществе свободной эстетики», в театральных, студенческих аудиториях. Основную часть публики там составляли люди, так или иначе причастные к искусству, пусть и не разделявшие взглядов футуристов. Сам вызов, противостояние Маяковского публике на этих диспутах были не столько в стихах (при всей их вызывающей художественной новизне), сколько в поведении, тезисах докладов, репликах, ответах.

На сей раз значительную часть посетителей составляла обычная буржуазная публика, желающая отдохнуть, хорошо поужинать да еще и посмотреть диковинку, о которой так много пишут газеты в последнее время.

«Тихий Мамонтовский переулок напоминал Камергерский в день открытия Художественного театра, — был весь запружен автомобилями и собственными выездами» («Московская газета». 1913, 21 октября).

Это были именно те, о которых поэт писал: «Я жирных с детства привык ненавидеть». Маяковский читал уже в конце вечера, когда публика размякла от выпитого и съеденного...

Реакция аудитории на выступление Маяковского была именно такой, на какую и рассчитывал поэт.

«Публика пришла в ярость. Послышались оглушительные свистки, крики «долой». Маяковский был непоколебим, продолжая в указанном стиле. Наконец решил, что его миссия закончена, и удалился» («Московская газета». 1913, 21 октября).

Свою долю к скандалу добавили художники. В газетах сообщалось о ссоре М. Ларионова и Н. Гончаровой с кем-то из публики — вплоть до рукоприкладства. Кабаре вскоре закрыли. «Капиталистический нос чуял в нас динамитчиков», — писал поэт в автобиографии «Я сам». О футуристах заговорили не только в столицах.

* * *

В декабре 1913 – апреле 1914 года Маяковский и его товарищи предпринимают поездку по городам России, задуманную как поэтическое турне футуристов. На разных этапах этого турне вместе с Маяковским выступали Д. Бурлюк, В. Каменский, И. Северянин, К. Большаков и др. В газетных отчетах, несмотря на издевательский характер многих из них, нередко проступает удивление и восхищение содержательностью, выразительностью докладов Маяковского. Его, как правило, газеты отмечают особо, выделяя из числа участников коллективных выступлений. Читением стихов, своих и чужих, Маяковский покорял порой даже враждебную аудиторию:

«Г. Маяковский, несмотря на свою желтую кофту... оказался недурным оратором» (Тифлис, март 1914).

«Он <Маяковский> импонирует хорошей дикцией и плавностью речи. В тоне слышится убежденность, сплетающаяся с самообожанием...» (Калуга, апрель 1914).

«Этот поэт, безусловно, даровитей остальных своих товарищей по ремеслу...» (Севастополь, январь 1914).

21 февраля 1914 года (в эти дни футуристы были на гастролях в Казани) совет московского Училища живописи, ваяния и зодчества постановил исключить Маяковского и Д. Бурлюка из числа учеников. Газеты сообщили об этом под заголовками: «Репрессии против футуристов», «Финал футуристических выступлений» и т. п. Но Маяковский уже сделал свой выбор. Главным в его многогранной творческой деятельности становится искусство слова, литература.

В марте 1914 года вышел сборник «Первый журнал русских футуристов» с четырьмя новыми стихотворениями Маяковского.

«Облако в штанах» (1914–1915)

Работа над первой пьесой (в марте 1914 трагедия «Владимир Маяковский» вышла отдельным изданием) утвердила поэта в необходимости продолжить творческие поиски в области крупных поэтических форм. В автобиографии «Я сам» Маяковский относит возникновение замысла нового произведения к началу 1914 года:

«Чувствую мастерство. Могу овладеть темой. Вплотную. Ставлю вопрос о теме. О революционной. Думаю над “Облаком в штанах”».

По свидетельству друзей-футуристов первые строчки первой главы поэмы «Облако в штанах» выросли из романтического эпизода в период футуристического турне. В Одессе (футуристы выступали здесь 16–19 января 1914 года) Маяковский познакомился с Марией Александровной Денисовой, красивой незаурядной девушкой, захватившей его воображение. По-видимому, и Мария симпатизировала Маяковскому, но при столь

мимолетном трехдневном знакомстве с гастролирующим футуристом от каких-либо решительных шагов отказалась.

Не следует преувеличивать значение этого эпизода. Но история неразделенной любви как первоначальная тема нового крупного произведения могла возникнуть, начать складываться отсюда. Однако для осуществления замысла, неизмеримо усложнившегося в ходе творческой работы, поэту потребовалось полтора года. Жизнь вносила свои коррективы и в замысел, и в творческие планы. На начало мировой войны в августе 1914 года поэт откликнулся стихотворением «Война объявлена», полным мрачных поэтических ассоциаций. В августе-декабре 1914 года Маяковский пишет тексты для лубочных плакатов и открыток на военные темы, публикует серию статей в газете «Новь» по вопросам войны и искусства. С февраля 1915 года начинает сотрудничать с журналом «Новый Сатирикон», переезжает из Москвы в Петроград. К февралю 1915 года относятся первые публичные читки и первая публикация готовых отрывков новой трагедии (так сам автор первоначально определил это произведение). «Облако в штанах» было закончено в первой половине 1915 года. В предисловии ко второму бесцензурному изданию (1918) Маяковский писал:

«“Облако в штанах” считаю катехизисом современного искусства. ”Долой вашу любовь”, “долой ваше искусство”, “долой ваш строй”, “долой вашу религию” — четыре крика четырех частей».

Композиционно, однако, поэма не имеет столь четко выраженного поэтического разделения этих «ниспровержений» по четырем ее частям. Но вся она наглядно подтверждает справедливость сказанного Б. Пастернаком о Маяковском на вечере памяти поэта в 1933 году:

«Он как живая полнокровнейшая клеточка... человеческой культуры уже обозначал собою будущее... Его революционность есть революционность совершенно самостоятельная, порожденная не только героическими событиями, но и его типом, складом, мыслью, голосом. Революция ему снилась раньше, чем она случилась. Революционность его — революционность саморожденная, совершенно особого, я даже не боюсь сказать, индивидуалистического типа...»

Прозорливо подмеченные Пастернаком «корни и зародыши будущего» «саморожденная революционность» многое предопределили в жизни и творчестве Маяковского.

* * *

К лету 1915 года относятся две встречи, два важнейших знакомства Маяковского. Поэт в те дни завершил поэму «Облако в штанах». В различных аудиториях Петрограда он знакомит с новым произведением товарищей по искусству.

В первых числах июля 1915 года, по-видимому, в ответ на пожелание Маяковского, переданное через общих знакомых, пришла открытка от М. Горького:

«Буду рад видеть Вас. Если можно — приезжайте к часу, к завтраку. Всего доброго! А. Пешков».

Поэт не замедлил воспользоваться предложением. Так на даче Горького состоялось личное знакомство писателей. В автобиографии «Я сам» Маяковский об этом важном знакомстве говорит с излишней иронией — наложились уже более поздние обстоятельства, приведшие в конце концов к разрыву этой дружбы:

«Поехал в Мустаямки. М. Горький. Читал ему части “Облака”. Расчувствовавшийся Горький оплакал мне весь жилет. Расстроил стихами. Я чуть загордился...»

В мае 1930 года, после трагической гибели Маяковского, М. Горький в частном письме так вспоминал эти встречи с Маяковским:

«...Там он читал “Облако в штанах”... — отрывки — и много различных лирических стихов. Стихи очень понравились мне, и читал он их отлично, даже разрыдался, как женщина, чем весьма испугал и взволновал меня... Когда я сказал ему, что — на мой взгляд — у него большое, хотя, наверное, очень тяжелое будущее, и что его талант потребует огромной работы, он угрюмо ответил: “Я хочу будущего сегодня”, и еще: “Без радости — не надо мне будущего, а радости я не чувствую!” Вел он себя очень нервно...»

Чувствовалось, что он не знает себя и чего-то боится... Но было ясно: человек своеобразно чувствующий, очень талантливый и — несчастный...»

Это знакомство, очень благожелательный отзыв Горького, признанного главы русской литературы, поистине окрылили молодого поэта (Маяковский был младше Горького на 25 лет). Он почувствовал, видимо, — при всей своей неуверенности, при всех своих сомнениях, — что он — Поэт, что он может со своим талантом войти в «большую» русскую литературу. Войти не как «апаш», нигилист, литературный хулиган, и даже не как представитель некоего литературного течения — футуризма, а просто как настоящий национальный русский поэт. Несомненно и влияние Горького на формирование общественных и эстетических идеалов молодого Маяковского.

Второе знакомство лета 1915 года, знакомство с семейством Бриков, стало для Маяковского фатальным, роковым, слишком многое предопределившим в его жизни, в самом характере его последующей творческой деятельности....

Маяковский и Брики. Трагедия поэта (1915–1923)

В салон Бриков в Петрограде Маяковского привела его московская знакомая Эльза Каган, будущая французская писательница Эльза Триоле. Лиля Юрьевна Брик (Каган) была ее старшей сестрой. Ее муж, Осип Максимович Брик, выпускник юридического факультета Московского университета, был наследником купца 1-й гильдии. Московская фирма «Павель Брикъ, Вдова и Сынъ» торговала драгоценностями и мехами. Брики вели светский образ жизни богатых интеллектуалов — много путешествовали, посещали театры, художественные вернисажи, престижные рестораны и т.п. К футуристам, в том числе и к Маяковскому, как писала сама Л. Брик, они в то время относились негативно, возмущались их скандальными выходками. Вот как она описывает ту знаменательную встречу:

«Приехала в Питер Эльза... Маяковский... Мы шепнули Эльзе: “Не проси его читать”. Но она не вняла нашей мольбе, и мы в первый раз услышали “Облако в штанах”... Мы подняли головы и до конца не спускали глаз с невиданного чуда. Маяковский ни разу не переменял позы... Он жаловался, негодовал, издевался, требовал, впадал в истерику, делал паузы между частями.

Вот он уже сидит за столом и с деланной развязностью требует чаю... Первый пришел в себя Осип Максимович. Он не представлял себе! Думать не мог! Это лучше всего, что он знает в поэзии!.. Маяковский — величайший поэт, даже если ничего больше не напишет. Он отнял у него тетрадь и не отдавал весь вечер. Это было то, о чем так давно мечтали, чего ждали».

С появлением Маяковского квартира Бриков в Петрограде на ул. Жуковского стала настоящим литературным салоном — местом встреч, споров, дискуссий представителей новейших течений русской поэзии. Здесь бывали братья Бурлюки, В. Каменский, Б. Пастернак, В. Хлебников, Н. Асеев, М. Кузмин, К. Большаков, Б. Кушнер, К. Чуковский. Заглядывал и М. Горький — сыграть в карты. Стали приходиться филологи — В. Шкловский, Б. Эйхенбаум, Р. Якобсон, Е. Поливанов. Осенью 1916 Осип Максимович издал на свои деньги первый «Сборник по теории поэтического языка». В начале 1917 года на квартире Бриков было основано Общество по изучению проблем поэтического языка — известный впоследствии ОПОЯЗ.

Между тем бурно развивался и роман Маяковского с хозяйкой салона — Лилей Юрьевной.

Весной 1916 года Маяковский написал ей стихотворное послание — «Лиличка! Вместо письма», датированное 26 мая 1916 года.

В дневниковых записях начала 1923 года, сделанных в форме неотправленного письма к женщине, Маяковский писал:

«Любовь это жизнь, это главное. От нее разворачиваются и стихи, и дела, и все пр. Любовь это сердце всего. Если оно прекратит работу, все остальное отмирает, делается лишним, ненужным...»

Для Маяковского, поэта-лирика, любовные переживания, этот «адреналин в крови», действительно могли служить источником подлинного поэтического вдохновения. И даже

любовные мучения, любовный «ад», накладываясь на общее трагическое мироощущение поэта, стимулировали рождение необычайных художественных образов. Любовь же к замужней женщине, каковой была Лиля Юрьевна, которую «Бог такую из пекловых глубин... вывел и велел: люби!», уже изначально несла в себе черты драмы.

Это — отрывок из поэмы «Флейта-позвоночник», написанной осенью 1915 года после знакомства с Л. Брик и посвященной ей. Между тем, официальный муж хозяйки салона Осип Максимович, похоже, не особенно тяготился сложившейся пикантной ситуацией. Выступая меценатом, он печатает отдельными изданиями поэмы Маяковского «Облако в штанах» и «Флейта-позвоночник» — с посвящениями «Тебе, Лиля», «Лиле Юрьевне Б.» Выпускает альманах «Взял», где сам впервые выступает как литератор с критической заметкой — хвалебным отзывом об «Облаке...»

Еще более нравилась роль хозяйки модного литературного салона самой Л. Брик. Ей посвящают стихи не только Маяковский, но и другие посетители квартиры Бриков — К. Большаков, М. Кузмин, В. Каменский...

* * *

В декабре 1917 года Маяковский переезжает в Москву. Семейство Бриков остается в Петрограде. Поэт выступает в знаменитом «Кафе поэтов» и на других литературных вечерах, снимается в нескольких кинофильмах на кинофирме «Нептун», выпускает вместе с Бурлюком и Каменским «Газету футуристов»... Но с июля 1918 по февраль 1919 Маяковский вновь большую часть времени проводит в Петрограде. Здесь в Театре музыкальной драмы в дни первой годовщины Октябрьской революции ставится его пьеса «Мистерия-буфф», с декабря 1918 начинает выходить еженедельник «Искусство коммуны», где был опубликован ряд примечательных произведений поэта. С марта 1919 года Маяковский — вновь и окончательно в Москве. В это время переезжают в Москву и Брики. Постепенно — теперь уже в Москве — вновь налаживается и жизнь литературного салона Бриков.

В октябре 1921 года Л. Брик уехала повидать родственников в Ригу, где находилась по февраль 1922. Пожалуй, впервые со времени знакомства с Бриками в 1915 в непрерывном калейдоскопе очень непростых личных дел и исторических катаклизмов (Первая мировая война, революции 1917 года, Гражданская война) поэт получил возможность «остановиться, оглянуться».

Маяковский, поэт-лирик, для которого «любовь — это сердце всего», наконец-то вновь обратился к этой теме, теме любви к женщине, любви к человеку — впервые со времени революционных событий 1917 года.

С конца 1921 по февраль 1922 Маяковский работает над поэмой «Люблю» (вышла отдельным изданием в марте 1922).

Летом 1922 Маяковский пишет — в качестве вступительной статьи к собранию своих сочинений — «так называемую биографию» — «Я сам», документальное прозаическое произведение о своей жизни, полное мягкой иронии и художественного блеска. Свое место и интересное развитие в «Я сам» нашли и некоторые образы автобиографических глав поэмы «Люблю». В последней тогда главе автобиографии «Я сам» под рубрикой «22-й год» поэт сообщает о своих творческих замыслах в то время:

«Задумано: О любви. Громадная поэма. В будущем году кончу».

Этим произведением стала поэма «Про это», завершенная в феврале 1923. «Написал “Про это”. По личным мотивам об общем быте», — так охарактеризовал автор это произведение, дополняя позднее автобиографию «Я сам».

Поэт сообщал о работе над новой поэмой о любви еще летом 1922 года. Но реальным поводом, «последним толчком» к «переводу на бумагу» строк, образов поэмы «Про это» стали, по-видимому, события, «личные мотивы» декабря 1922 года — кризис отношений Маяковского с Л. Брик, крушение ее «идеального образа» в глазах даже такого неисправимо наивного и всепрощающего идеалиста и рыцаря, как Маяковский.

* * *

В 1915–1923 годах Маяковский в той или иной форме посвятил своей «музе», Л. Брик, дюжину произведений — несколько лирических стихотворений, несколько лиро-эпических поэм, пьесу «Мистерия-буфф». Некоторые из этих произведений ни тематически, ни хотя бы эпизодом, образом, строкой, скрытым начальным импульсом никакого отношения к Брикам не имели.

Между тем, само двусмысленное положение «штатного любовника замужней дамы» не могло не быть источником серьезных нравственных переживаний поэта. Не могли не прийти к разрыву и их любовные отношения. Что, собственно, и произошло к концу 1923 года. Имя же Лили Юрьевны уже было запечатлено Маяковским, уже вошло в исто-

рию литературы. Но в частной, личной жизни, в быту, Маяковский был предельно, щепетильно честным, порядочным и обязательным человеком. Неизменным в дружбе, преданным товарищем, человеком слова. В то же время — очень ранимым, очень уязвимым, незащищенным. С Бриками он хотел, очевидно, разойтись мирно, спокойно, по-доброму, «оставаясь друзьями». Но намерения Бриков не совпали с его планами.

Далее и начинается подлинная трагедия поэта. Отмеченные качества Маяковского, как и его явная неспособность сказать женщине решительное «нет», были к тому времени уже вполне оценены Лилей. В свою очередь у Маяковского и Осипа Брика сохранялись (и постоянно возобновлялись, может быть намеренно) определенные литературные, редакционно-издательские и т. п. деловые отношения. Это позволяло и Лиле Юрьевне по-прежнему держать Маяковского как бы «при себе», как главную фигуру, «приманку» своего салона, и как источник собственного материального благополучия. Втайне от поэта она пресекала всякие попытки Маяковского связать свою судьбу с какой-либо иной женщиной. Он до конца жизни так и остался одиноким.

Из воспоминаний Вероники Полонской, с которой оказались связаны последние отчаянные надежды поэта: «Она (Л. Брик) навсегда хотела остаться для Маяковского единственной неповторимой. Когда после смерти Владимира Владимировича мы разговаривали с Лилей Юрьевной, у нее вырвалась фраза:

«Я никогда не прощу Володе двух вещей. Он приехал из-за границы и стал в обществе читать новые стихи, посвященные не мне, даже не предупредив меня. И второе — это как он при всех и при мне смотрел на вас, старался сидеть подле вас, прикоснуться к вам».

О своем стремлении остаться в истории литературы единственной «Беатриче» Маяковского Лиля Юрьевна совершенно откровенно говорила сама. И для этого многое сделала как после смерти поэта, так и еще при жизни — когда их любовные отношения уже прекратились. Эта маленькая, такая «хрупкая» женщина на самом деле обладала необычайно властным характером, которому на протяжении ее долгой жизни подчинялись практически все. А легко ранимый, уязвимый, панически опасющийся бытовых скандалов Маяковский вполне осознавал, что простая попытка воспеть какую-либо иную «музу», посвятить стихи иной женщине вызовет непредсказуемые последствия.

Иным становится сам характер творчества поэта. Любовные сюжеты появляются у Маяковского лишь в аллегорических, фантастических формах («Разговор на Одесском рейде десантных судов: “Советский Дагестан” и “Красная Абхазия”», 1926), иногда проскальзывают побочной линией в публицистических, сатирических произведениях.

Можно называть множество причин, убедительных и не очень, этой поэтической трансформации глубочайшего, нежнейшего поэта-лирика. Но не последняя среди этих причин (и никогда не называемая) — трагическая неспособность Маяковского-человека решительно развязаться с диктатом Бриков.

* * *

Со второй половины 1920-х годов Маяковский — в постоянных разъездах. В 1926 году поэт проводит в поездках 170 дней. В 1927 — почти 190. Об этом всегда писали, что «агитатор, горлан-главарь» несет свое искусство в массы, встречается с читателями, изучает жизнь. Ищет и находит темы, сюжеты новых произведений. Да, конечно, все это было. Но было и другое — то, что Маяковский рвался из Москвы, из «своего дома». В Москве он задерживался лишь по неотложным издательским, театральным, организационно-писательским делам, бывало — по болезни. Или — когда в Москве не было Бриков, когда они были в отъезде. Начиная с 1924 года (да и раньше тоже) практически все лирические стихи создавались поэтом вне контактов с Л. Брик, с Бриками вообще. Как правило, в отъезде из Москвы. При Лиле, при Бриках еще как-то «работалась» публицистика, сатира, газетная «поденщина»... Никакой «музы», никакой «вдохновительницы» давно уже не было. Было прямо противоположное.

Поэтохроника революции (1917–1927)

Свержение царизма, Февральскую революцию — «нового утра новую дрожь» («Революция. Поэтохроника») — поэт воспринял с энтузиазмом, как начало воплощения мечтаний о переделке мира, пересмотре «миров основы». Сам замысел социальной революции был для Маяковского воплощением «социалистов великой ереси», реализацией идей, за которые он, «товарищ Константин», уже отсидел свои «11 бутырских месяцев» в 1908–1909. Революция была еще одной, практической, гранью романтического бунта поэта, художника, творческой личности против бездуховности, пошлости, бесчеловечности буржуазного мира.

Поэт испытывает явный прилив творческих сил. В первом же номере журнала «Новый сатирик», вышедшем после падения самодержавия (№ 11 от 17 марта 1917), Маяковский публикует — под заголовком «Восстанавливаю» — отрывки из «Облака в штанах», изъятые ранее цензурой.

В эти же дни он начинает писать новое произведение — поэтический дневник первых дней революционной эры, законченный 17 апреля 1917 года. Поэма «Революция. Поэтохроника» появилась 21 мая 1917 в газете «Новая жизнь», издававшейся М. Горьким.

Октябрьская революция была воспринята Маяковским как возможность соединения социалистической идеологии и искусства. Характер его творчества определяют слова из автобиографии «Я сам»:

«Принимать или не принимать? Такого вопроса для меня (и для других москвичей-футуристов) не было. Моя революция...»

Поэт стремится дать «героическое, эпическое и сатирическое изображение нашей эпохи», вылившееся в 1918 году в пьесу «Мистерия-буфф», поставленную в Петрограде к первой годовщине Октябрьской революции.

* * *

В декабре 1918 года в стихотворении «Приказ по армии искусства», опубликованном в газете «Искусство коммуны», Маяковский призывает:

Улицы — наши кисти.
Площади — наши палитры.
Книгой времени
тысячелистой
революции дни не воспеты.
На улицы, футуристы,
барабанщики и поэты!

И художник-поэт Маяковский сам начинает создавать эту «тысячелистую» книгу времени. К первой годовщине Октября появляется альбом «Герои и жертвы революции» (1918) с текстами к рисункам, сочиненными Маяковским. Затем — «Советская азбука» (1919), сборник политических юмористических двустиший на каждую букву алфавита, сочиненных и проиллюстрированных уже самим автором.

С октября 1919 года Маяковский действительно выносит свое искусство поэта и художника «на улицы», «на площади» — начинает работу над сатирическими и агитационными плакатами «Окон РОСТА», Российского телеграфного агентства. Важнейшая, актуальнейшая информация о событиях в стране и за рубежом, поступающая в РОСТА, в руках художников и поэтов приобретала форму броских плакатов с запоминающимися рисунками и текстами. Плакаты выставлялись в оконных витринах на главных улицах и площадях Москвы, Петрограда и других городов страны.

В «Окнах РОСТА» ярко проявился мощный синтетический талант автора — поэта и художника. Но уникальность многогранной творческой личности Маяковского в эти

годы проявилась еще и в такой области, как кинематография. Весной – летом 1918 он пишет сценарии и снимается в главных ролях в фильмах по собственным сценариям «Не для денег родившийся», «Барышня и хулиган», «Закованная фильмой».

Продолжением маяковской «поэтохроники» революции становятся многочисленные произведения гражданской лирики, лиро-эпические поэмы «Владимир Ильич Ленин» (1924), «Хорошо» (1927).

Созидающая сатира поэта (1921–1930)

В 1914–1915 в «Облаке в штанах» Маяковский пророчествовал о грядущих «в терновом венце» революционных преобразованиях. В период революций 1917 года поэт с надеждой восклицает о сбывающейся «социалистов великой ереси» («Революция. Поэтохроника», апрель 1917). Ей, революции, он провозглашает свое, поэтово «оды торжественное “О”» («Ода революции», 1918).

Революция вносит в трагический и тревожный мир художественных образов поэта заметные изменения. Наряду с революционным пафосом и героикой в поэзии Маяковского появляются черты исторического оптимизма, восприятия нового мира как не враждебного человеку, появляются ноты уверенности в собственных возможностях человека-творца, ноты светлого юмора, буффонады. Сардонический, издевательский, язвительный смех дореволюционных сатир Маяковского становится оптимистичнее. В его вещах заиграла улыбка, появилась надежда. Характерно, например, само название придуманного Маяковским журнала — «БОВ» («Боевой отряд весельчаков»). Идея выпуска веселого юмористического журнала была связана с завершением Гражданской войны и переходом Советской республики к мирному хозяйственному и государственному строительству.

В единственном вышедшем номере журнала (апрель 1921) среди других материалов были напечатаны два стихотворения Маяковского: «Последняя страничка гражданской войны» и «О дряни». Последним Маяковский открыл большую серию сатирических стихотворных фельетонов.

* * *

С 1921–1922 сатирические и юмористические мотивы в творчестве Маяковского постоянно усиливаются.

Жизнь показала, что косность, бюрократизм, мещанство, «дрянь», «мразь» отнюдь не исчезают даже при радикальной революционной смене общественного строя. Они приспособляются, мимикрируют, принимают новые обличья, захватывают новые области. В 1926, с грустью размышляя о гибели Сергея Есенина, Маяковский вынужден был констатировать: «Дрянь / пока что / мало поредела...».

С этим явлением поэт боролся всю жизнь. Все эти годы острые, злободневные сатирические произведения поэта печатаются в газетах, журналах. Выходят сборники сатирика — «Маяковский издевается» (1922), «Маяковский улыбается, Маяковский смеется, Маяковский издевается» (1923).

Очередным этапом работы сатирика стало обличение «дряни» не только перед Читателями и слушателями, но и перед зрителями, «выволакивание» всей этой «мрази» на театральные подмостки. Пьесы «Клоп» и «Баня» (1929) — новый тип сатирических комедий, который Маяковский назвал публицистическим.

Полпред стиха (1922–1929)

«Я земной шар чуть не весь обошел», — писал Маяковский летом–осенью 1927 года в поэме «Хорошо!» Всего в 1922–1929 Маяковский совершил девять заграничных путешествий. И каждая поездка давала материал и для стихов, и для прозаической публицистики.

Слова «полпред стиха» — из стихотворения «Вызов» (1925) из цикла об Америке (1925–1926). Цикл родился в результате путешествия в 1925 году через Атлантический океан в страны Западного полушария. Это была самая длительная, почти полугодовая поездка Маяковского за рубеж. Он отправился из Москвы в Западную Европу 25 мая — Кенигсберг, Берлин, Париж... Некоторое время в Париже ожидал американскую визу. Не дождавшись, 21 июня отплыл на пароходе «Эспань» в Мексику. Из Мексики после двадцатидневного пребывания там поэту наконец-то удалось въехать в США. Здесь он пробыл три месяца. По ходу путешествия и выстроилась цепочка стихов: «Испания», «6 монахинь», «Атлантический океан», «Мелкая философия на глубоких местах», «Блек энд уайт», «Сифилис», «Христофор Колумб» и др.

В Америке были у поэта выступления, лекции, поездки в крупнейшие рабочие центры страны — Нью-Йорк, Чикаго, Детройт, Кливленд, Питтсбург, Филадельфию. Встречи с рабочими, коммунистами, видевшими в поэте прежде всего представителя нового общества, многим тогда казавшегося столь притягательным. Отзывы в газетах, интервью. В стихотворении «Вызов» есть и обличение «капитала — его препохабия», и посылка «к чертям свинячьим всех долларов всех держав». Но есть «вызов» и другого рода: поэт в ироничном, «смешном», зашифрованном виде сообщает о важнейшем в его личной жизни событии. Здесь, в Америке (вдали от Брик) Маяковский встретил и полюбил женщину — Элли Джонс (Елизавету Петровну Зиберт), из русских немцев, покинувшую Россию в первые годы после революции. Все время пребывания Маяковского в Америке они были вместе. Не простым было их расставание. Елизавета и Владимир уже знали, что у них скоро будет ребенок.

15 июня 1926 года у Маяковского и Элли Джонс в США родилась дочь Хелен-Патриция. Сохранилась (не полностью) переписка родителей. Но их разделяет огромное пространство — океан... В эти дни Маяковский создает стихотворение о любви. Но его любовь — тайна для окружающих. А стихотворение «Разговор на одесском рейде десантных судов: “Советский Дагестан” и “Красная Абхазия”» (1926) — аллегория.

А в октябре 1926 года в Москве в серии «Библиотека журнала “Огонек”» выходит маленькая книжечка стихотворений Маяковского — «Избранное из избранного». Само название сборника говорит об особо тщательном отборе помещенных в этой книжечке 15 стихотворений. Из всех дореволюционных произведений сюда включено только одно стихотворение — «Военно-морская любовь». Стихотворение, говорящее и о любви, и о дальних морских расстояниях. И когда-то, в 1916 году, включенное Маяковским в невышедший сборник стихов для детей.

Драматично это «наступление на горло собственной песне» («Во весь голос») и «сознательный перевод себя на газетчика» («Я сам»), этот вынужденный отказ поэта-лирика писать о любви. Посвящать что-либо Л. Брик он уже не мог и не хотел, открыто писать об иных «тревогах сердца» — не решался... Кстати, стихотворение «Вызов», вполне «идейное», «советское», напористо-агитационное, Маяковский неоднократно читал на своих выступлениях, несколько раз опубликовал в провинциальной печати (Харьков, Баку, Ленинград, Одесса). Но — как же быть со строчками о «длинноногих женах»? — так и не решился показать Брикам. Дважды не включил в изданные в Москве книги, где были опубликованы все остальные стихи американского цикла. Когда после смерти поэта Брики нашли в его бумагах черновую рукопись этого стихотворения, они в 1934 году опубликовали его как новое, неизвестное стихотворение, которое «нигде напечатано не было»! Почти детективная, захватывающая, почти «смешная» литературоведческая история. Но — трагическая для поэта Маяковского...

* * *

Осенью 1928 года Элли Джонс с дочерью приехала во Францию, в Ниццу. В октябре во Франции был и Маяковский. В 20-х числах октября 1928 года в Ницце поэт впервые

увидел свою двухлетнюю дочь. Маяковский — мужчина, которому «30 уже», испытывает, переживает совершенно новый, незнакомый, особый поток чувств. Он стал отцом! У него есть своя дочь, своя семья. Это — переход в принципиально иное состояние, в иное качество, особенно остро воспринимаемый человеком зрелого возраста, можно сказать «старым холостяком». Впервые со времени поэм «Люблю» и «Про это» поэт вновь открыто возвращается к любовной лирике. Делает здесь же, в Ницце, первые, но важнейшие, ключевые наброски, «заготовки» для стихов, составивших вскоре поэтическую дилогию «Писем» из Парижа: «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви» (1928) и «Письмо Татьяне Яковлевой» (1928).

По воспоминаниям Элли Джонс, встретившись в Ницце, они проговорили и «проплакали» всю ночь. В настезь распахнутое окно гостиничного номера смотрел спящий город, море, горы, ночное небо. В записной книжке появляются первые наброски строк, ключевых смысловых рифм будущих «Писем о любви».

В конце октября 1928 года Маяковский возвратился в Париж. Элли Джонс с дочерью, которой нездоровилось и требовалось основательно «запасть солнцем» (выражение в одном из писем Элли Джонс Маяковскому), остались в Ницце. В парижской суете (а Маяковский, в частности, оформлял тогда покупку автомобиля «Рено» — событие очень неординарное для тех лет и для советского человека особенно) поэт не забывает отправить в Ниццу теплое послание «двум милым Элли». Но судьба и история распорядились так, что их новая встреча не состоялась...

Живущая в Париже сестра Лили Брик Эльза Триоле в эти дни познакомила Маяковского с молодой русской парижанкой Татьяной Яковлевой. Татьяна, по мысли Эльзы, могла бы иногда сопровождать Маяковского в качестве переводчицы.

Т. Яковлева приехала во Францию из России в 1925 году по вызову своего дяди — известного парижского художника русского происхождения А.Е. Яковлева. Молодая, интеллигентная, к тому же, как оказалось, неплохо знающая современную литературу, в том числе стихи самого Маяковского, девушка, очевидно, понравилась поэту, он ею искренне увлекся. Импонировало общество Маяковского и Татьяне, ей нравилось в сопровождении такого яркого и эффектного кавалера появляться в компаниях своих парижских знакомых, в среде монпарнасской богемы. По словам Т. Яковлевой, «Письмо товарищу Кострову...» было написано Маяковским уже недели через две после их знакомства, а второе — «Письмо Татьяне Яковлевой» — еще «недели через две после первого».

Вся лирика Маяковского откровенно автобиографична, голос лирического героя часто неотличим от голоса автора. Герой многих стихотворений не только ведет разговор от первого лица — «я», «мне», — но и носит характерную фамилию — Маяковский. Художественные образы стихов, как правило, имеют своим источником события реальной жизни поэта. Тесная связь образов дилогии «парижских» «Писем» с обстоятельствами реальной биографии автора отмечалась уже при первых публикациях произведений. Она — и в существовании подлинных заглавных адресатов этой лирики (Т. Костров, Т. Яковлева), и в, казалось бы, точной географической и временной определенности сюжетов. Однако подчеркнем, что источником многих образов и общей эмоциональной напряженности «Писем» о любви явилась встреча в Ницце (с Элли Джонс и дочерью), а не «парижские» впечатления. Адресация второго парижского «Письма» Татьяне Яковлевой носит, таким образом, несколько условный, ситуационный характер, является своеобразным художественным приемом.

* * *

8 декабря 1928 года Маяковский возвратился из Франции в Москву, 14 февраля 1929 вновь выехал в Европу. Поездка в Ниццу оказалась трагически неудачной — «две милые Элли» как раз в эти дни уехали на экскурсию в соседнюю Италию... Но об этом поэт узнал лишь возвратясь в Москву, где его ожидало письмо от Элли Джонс. В Ницце же Маяков-

ский в те дни случайно встретился с художником Юрием Анненковым, который позднее вспоминал:

«Мы зашли в уютный ресторанчик около пляжа... болтали, как всегда, понемногу обо всем... Маяковский, между прочим, спросил меня, когда же, наконец, я вернусь в Москву? Я ответил, что я об этом больше не думаю, так как хочу остаться художником. Маяковский произнес охрипшим голосом: “А я — возвращаюсь... Теперь я... чиновник...”»

Обобщая свои неоднократные беседы с поэтом, Ю. Анненков там же пишет далее:

«Тяжкие разочарования, пережитые Маяковским, о которых он говорил со мной в Париже, заключались в том, что коммунизм, идеи коммунизма, его идеал, это — одна вещь, в то время как “коммунистическая партия”, очень мощно организованная, перегруженная административными мерами и руководимая людьми, которые пользуются для своих личных благ всеми прерогативами, всеми выгодами “полноты власти” и “свободы действия”, это — совсем другая вещь...»

Февраль — март — апрель 1929 года, проведенные во Франции, оказались последним зарубежным путешествием Маяковского. Уезжая из Парижа, поэт предполагал осенью приехать сюда вновь. Но эта поездка не состоялась.

Смерть и бессмертие

В мае 1929, вскоре после возвращения Маяковского из поездки во Францию, его познакомили с актрисой Вероникой Полонской. Дочь «звезды» русского немого кино Витольда Полонского (эта биографическая деталь тоже могла иметь какое-то психологическое значение для Маяковского, незаурядного киноактера, киносценариста, киножурналиста еще с 1910-х), Вероника сама в то время начинала артистическую карьеру в молодежной студии МХАТа; была уже замужем — за актером того же театра Михаилом Яншиным. Познакомили же поэта с актрисой Брики. Не исключено, что знакомство это было обдуманым — чтобы отвлечь Маяковского от ставшего им известным намерения якобы жениться на Т. Яковлевой.

В 1920-е годы стоило Маяковскому серьезно увлечься девушкой, об этом сразу же становилось известно Брикам. И как-то получалось так, что обязательно что-то расстраивалось, что-то не получалось... В подобных обстоятельствах, как вспоминала художница Е. Лавинская, Лиля Брик начинала нервничать, хотя уверяла знакомых, что, по существу, Маяковский ей не нужен, она уже устала от его вечного нытья, но она не может допустить, «чтоб Володя ушел в какой-то другой дом, да ему самому это не нужно...». Одно время, в период каких-то внутренних сомнений, переживаний Маяковского, духовно близким ему человеком оказалась входившая в группу «Леф» художница Елена Семенова. Близким — просто как товарищ, друг, честный русский человек, с которым поэт мог посоветоваться, поделиться одолевавшими его сомнениями. Но эти их конфиденциальные беседы не ускользнули от бдительного взора Л. Брик, которая заподозрила художницу в «матримониальных» намерениях. Лиля Юрьевна пригласила ее на прогулку и как бы между прочим, но не скрывая озабоченности, завела разговор на эту тему.

«Из этого разговора, — пишет Семенова, — стало ясно, что Лиля Юрьевна заинтересовалась некоторым вниманием ко мне Маяковского и решила “дать мне установку”, чтобы, не дай Бог, я не приняла его всерьез...».

Эта прогулка, отмечает далее художница, позволила разглядеть в Л. Брик «новые отталкивающие черты — собственницы, которая может одолжить принадлежащее ей, но не отдать».

Вероника Полонская, молодая, красивая, делающая карьеру актриса, которая, однако, была замужем и за которой к тому же «приударяли» другие поклонники-актеры, могла представляться Брикам подходящей кандидатурой для «легкого флирта» Маяковского, не угрожающего его уходом из их «семьи». Возможно, какое-то время так оно и было.

К концу 1929 — началу 1930 года перспективы зарубежной поездки Маяковского, тем более — вторичного посещения США (где теперь находились Элли Джонс и его дочь), явно отодвинулись на неопределенное время. Между тем отношения Маяковского и В. Полонской развивались своим чередом. В феврале 1930 года в двухмесячную зарубежную поездку отправилась чета Бриков. Маяковский же решил в этот момент форсировать развитие своих отношений с Полонской, чтобы поставить Бриков перед свершившимся фактом — он уже женат. В начале 1930 года Маяковский вступает (вносит пай) в писательский жилищно-строительный кооператив. Секретарь Федерации объединений советских писателей тех лет В. Сутырин позднее, выступая перед сотрудниками музея В.В. Маяковского, вспоминал, как поэт в марте 1930 года просил его поскорее, до возвращения Бриков из-за границы, предоставить ему отдельную квартиру, так как и дальше жить в постоянном обществе семейства Бриков он уже не может. «Я сказал, — вспоминает далее Сутырин, — что это вряд ли, потому что раньше осени ты квартиру не получишь». — «Ну что ж, я сделаю иначе: я что-нибудь найму, а осенью, условимся, что ты мне дашь поселиться в отдельной квартире»... «11 апреля 1930 года» — штамп московского почтамта на последней полученной Маяковским из Лондона от Бриков открытке. Они возвращаются, выезжают... 12 апреля 1930 года — этой авторской датой помечено предсмертное письмо Маяковского, озаглавленное «Всем»: «В том, что я умираю, не вините никого...» В нем, обращаясь к «Товарищ Правительству», поэт просит устроить «сносную жизнь» его «семье», называя среди ее членов, наряду с матерью, сестрами — Веронику Витольдовну Полонскую. Но поэт по-прежнему с кем-то встречается, что-то обещает, разговаривает по телефону. 13 апреля Маяковский и Полонская увиделись на домашней вечеринке у писателя Валентина Катаева. Поэт нервничает, обменивается с Полонской записками, ведет себя не очень тактично. Утром 14 апреля Маяковский заехал за Вероникой Витольдовной перед репетицией к ней домой и привез к себе на Лубянский проезд. Поэт просит ее остаться у него вот здесь, сейчас. Не уходить... В. Полонская потом напишет, что в этом лихорадочном разговоре, ставшем последним, обещала прийти к поэту вечером, а тогда она спешила на очень важную для нее репетицию в театр. Полонская все же уходит. И слышит выстрел. Все. Маяковского не стало.

Такова канва последних событий на «личном» фронте. Но были и другие события.

В последние годы жизни Маяковского его пламенность, бескомпромиссность, жившая в нем романтическая преданность идеям социальной справедливости начинали заметно раздражать литературных и чиновных обывателей. Эти любители тихой и спокойной жизни к концу 1920-х гуже набрали известную силу в административно-государственной системе. К 1929–1930 критически, иронически, скептически высказываться о Маяковском стало своеобразным шиком в литературной и околосредовой среде. Видимо, была в этом потоке и зависть, и ревность литературной серости по отношению к подлинному таланту.

Заметное обюрокращивание государственной и партийной системы, откровенный рост «обывательской тины» вызывают настойчивое желание поэта снова и снова обратиться к истокам, к лозунгам и идеалам революции, критически осмыслить пройденное и сделанное, еще раз по большому счету поговорить «о времени и о себе». Так в конце 1929 года была задумана Маяковским выставка «20 лет работы» как попытка подвести итоги проделанного за это время в искусстве. Она открылась 1 февраля 1930 года в клубе писателей.

Раздумывая в эти дни о пройденном пути в искусстве, о сделанном и несделанном, поэт приходит к выводу о мелочности и ненужности всяких межгрупповых внутрилитературных споров, разборок, взаимных упреков и т. п. на фоне громадности «общих», как ему представлялось, задач творческой работы по созиданию нового справедливого общества. 6 февраля он вступает в наиболее массовую в то время писательскую организацию — РАПП. «В осуществление лозунга консолидации всех сил пролетарской литературы», — так написал он в заявлении. Но его «друзья» по прежней

литературной группировке — «Левому фронту» (Леф), которых поэт ввел в литературу, пестовал, направлял, — назвали этот его шаг чуть ли не «предательством»... Как-то так складывалось, что и на профессиональном, литературном фронте одно за другим следовали различные неприятные, отрицательные события. Накапливалась специфическая, не получавшая разрядки усталость от слова. Известно, что Маяковский работал со словом постоянно — в дороге, при ходьбе, за игрой в карты или бильярд. От этой работы он отдыхать не умел. Можно представить себе, сколь чудовищной была просто физическая усталость при сравнительно длительном отсутствии положительных эмоций. Корней Чуковский однажды верно заметил: «Быть Маяковским трудно». И 14 апреля 1930 года произошел этот трагический, как выразился Виктор Шкловский, «несчастный случай на производстве». Маяковский жил и умер как поэт.

Свыше 150 тысяч человек прошло, прощаясь, мимо гроба Маяковского, установленного в клубе писателей, там, где еще так недавно на выставке «20 лет работы» звучал «во весь голос» разговор поэта с потомками. 17 апреля, в день похорон, конная милиция с трудом сдерживала огромные массы народа, запрудившие улицы и переулки по пути следования траурной процессии. Это была стихийная демонстрация, не виданная в Москве со дня прощания с В.И. Лениным. Все как-то сразу поняли, чем и кем был в действительности поэт Маяковский. Кого они, страна, народ потеряли в его лице. Не стало того, кто, казалось бы, был так вечен, постоянен, так неуязвим. «Твой выстрел был подобен Этне...» — так откликнулся на смерть Маяковского Б. Пастернак. Эта смерть действительно потрясла современников как извержение вулкана...

* * *

Посмертная судьба Маяковского знавала разные периоды. В 1935 году Сталин отметил, что «Маяковский был и остается лучшим и талантливейшим поэтом нашей советской эпохи». Объективно верный, справедливый, сам по себе правильный, этот тезис, однако, вышел из-под руки главного руководящего лица партии и государства. И потому в глазах чиновников от искусства и администрирования приобретал характер директивы. И ретивое, бездушное «насаждение», «пропаганда» Маяковского — в школах, в вузах, в печати, в науке, в литературоведении — к тому же не всегда на лучших образцах его творчества и не всегда лучшими «пропагандистами» давали зачастую обратный эффект, эффект отторжения поэта читателем. Бывали и попытки свергнуть Маяковского «с пьедестала» по чисто политическим, идеологическим мотивам. Но великий поэт, конечно, от этого не становился менее великим.

Значение подвига Маяковского как реформатора русской поэзии нового времени, давшего язык «улице безъязыкой», поднявшего на принципиально новый уровень весь русский поэтический словарь (тропы, неологизмы, высокая и низкая лексика и т. д.), потрясаяще раздвинувшего горизонты рифмы и ритмики русского стихосложения, сопоставимо только с поэтическим подвигом Пушкина. Вся русская поэзия после Маяковского стала другой. Нет ни одного значительного поэта, который в той или иной степени не испытал бы его влияния. Это касается любой поэтической школы, любого поэтического направления, в том числе и ярых отрицателей, противников Маяковского.

Марина Цветаева, много размышлявшая о поэтическом творчестве, о назначении Поэта, писала в 1933 году:

«Говоря о... Маяковском, придется помнить не только о веке, нам непрестанно придется помнить на век вперед... И оборачиваться на Маяковского нам, а может быть, и нашим внукам, придется не назад, а вперед... Маяковский ушагал далеко за нашу современность и где-то за каким-то поворотом долго еще нас будет ждать».

XX век показал, сколь причудливо, совсем не прямолинейно, даже трагично, со сбоями может быть движение колеса истории... И по-прежнему где-то впереди, в будущем ждет нас и наших внуков поэт Маяковский. Но ждет не вообще — в будущем.

А только — в светлом будущем человечества. В том будущем, которое не придет само, которое надо создавать. И в этом деле, в этом созидании Маяковский — наш помощник.